

Слово «место» входит в архитектурный лексикон, догоняя понятие «пространство». При всей своей интуитивной понятности «уместность» в архитектурном дискурсе используется редко. Чаще всего его можно услышать на архитектурных советах и обсуждениях, где речь идет о средовом контексте нового здания. Однако вспомнить об уместности было бы нелишне не только в риторике, но и в архитектуре. В искусстве XX века появилась особая программная теория «неуместности», победившая былые представления об уместности.

Ключевые слова: место; уместность; критерии оценки; стиль; норма; средовой подход. /

The word “place” is entering the architectural vocabulary, gaining upon the notion of “space”. Despite its intuitive clearness, “well-placedness” is rarely used in the architectural discourse. It is mostly used at architectural meetings and discussions concerning the environmental context of a new building. However, it is worth recalling well-placedness not only in rhetoric, but also in architecture. In the art of the 20th century there was a keynote theory of “ill-placedness”, which beat the former ideas of well-placedness.

Keywords: place; well-placedness; evaluation criteria; style; norm; environmental approach.

Об уместности / On the well-placedness

текст

Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

Критерии уместности

Говоря об уместности или неуместности, мы вынуждены перейти к обсуждению критериев оценки с точки зрения уместности. История искусства и теории стилей обычно не касаются напрямую категории уместности, хотя пропаганда стиля, так или иначе, означает утверждение его уместности. Тем самым «уместность» меняется в зависимости от исторических и социальных обстоятельств. То, что было уместно или неуместно вчера, сегодня может изменить меру своей уместности (неуместности).

Для понимания критериев неуместности или уместности мы должны рассмотреть разные формы культурной коммуникации.

Основной такой формой остается рынок, поскольку произведение искусства так или иначе продается и покупается. Это, разумеется, касается и архитектуры.

Однако формы рыночной циркуляции произведений искусства достаточно многообразны. Покупателем произведения искусства (архитектуры) может быть и частное лицо, принадлежащее тому или иному социальному уровню или сословию. Но рядом с частным покупателем на рынке архитектуры и искусства все чаще появляются разного рода институциональные корпорации и организации – банки, ведомства, в том числе и государство.

Качество уместности в таких случаях меняется в широких пределах.

Обычно покупка произведения искусства или архитектуры частным лицом свидетельствует о признании его уместным. Но эта уверенность в уместности, в свою очередь, не свободна, так как регулируется и модой, и критикой.

Мода и критика воздействует на покупателя, желающего с помощью этой покупки повысить свой социальный престиж или уровень. В этой связи нетрудно провести различие сообществ и групп, находящихся в зависимости от моды или принципиально не считающихся с актуальной модностью стиля. Индивидуальный вкус, таким образом, оказывается одним из критериев уместности и в то же время передаточным механизмом от институтов идеологического и коммерческого типа.

В этом контексте можно найти новые позиции в сближении выдвинутой Евгением Ассом категории «нормаль-

ности» и предлагаемого мною критерия «уместности».

На первый взгляд кажется, что нормальность и уместность частично совпадают, так как уместность всегда предполагает оценку той или иной стилистики в качестве «нормальной», то есть соответствующей пониманию самой нормы, распространенной в той или иной среде.

Но в случае массовых оценок и норм мы видим уже не только воздействие рекламы и критики, но и роль цензуры – как институционально присвоенной властью, так и неявной цензуры, господствующей в определенных социальных кругах.

Следует обратить внимание на двойственный социальный характер самой «критики», которая, с одной стороны, предлагает анализ (теоретический, ценностный и исторический) стиля или его реализации, а с другой – оказывает императивное воздействие на поведение людей, неявно или открыто принуждая их к выбору незапрещенной или рекомендуемой художественной и стилистической манеры.

Иными словами, критика произведений искусства может становиться критикой людей, демонстрирующих свои «вкусы». Эта критика колеблется в широких пределах репрессий – от распространения оценки чьих-то вкусов как сомнительных, до признания проявления тех или иных вкусов идеологически опасными и подлежащими соответствующим репрессиям.

В качестве социальной реакции на репрессивный характер такой критики мы можем видеть как уход от проявления вкусов, нейтрализацию своих вкусовых предпочтений, так и поддельный энтузиазм вкусовых предпочтений в качестве средства повышения своей социальной роли и статуса.

Поскольку сами художники и архитекторы теснейшим образом включены в состав публики, то критика нормальности или дегенеративности, нормальности или экзальтированности тех или иных художественных объектов, манер и стилей становится тесно связанной с морально-идеологическими тенденциями в системе социально-культурного управления.

Имеется масса поучительных примеров в истории искусства и архитектуры. Время от времени появляются поддерживаемые властью или элитами современность

или архаика, социалистический реализм или буржуазный индивидуализм, национальные и интернациональные векторы в изменении художественных образов.

Легко увидеть все эти процессы в критической полемике по вопросу о подлинно социалистическом или буржуазном, техницистском или гуманистическом векторах в стилиобразовании.

На первый взгляд, эти отношения отчетливо проявляются только по отношению к конкретным и физически ограниченными объектам или ансамблям; средовые комплексы кажутся в меньшей степени управляемыми уместностью и цензурой.

Однако в косвенной форме их рыночный статус подтверждается риэлтерской практикой, в которой характеристики той или иной среды (как исторические, так и стилистические) выступают в качестве важнейшего из механизмов ценообразования. Знаменит тезис риэлторов в архитектуре, что ценность объекта определяется тремя факторами: 1 – место; 2 – место и 3 – еще раз место.

Уместность здесь выступает в самой простой экономической системе оценок.

Подчеркнем, что в такой формуле ландшафтные, пейзажные и тому подобные натуральные свойства места оцениваются наряду с техническим и культурным статусом – доступность обслуживания, экономический статус среднего жильца или близость к каким-либо важным городским узлам, властным, транспортным и коммерческим.

Все это говорит о том, что уместность, как и нормальность, суть критерии далеко не автономные и тесно связанные с рекламой и идеологической пропагандой, со свободным волеизъявлением и с принудительной мимикрией.

5 октября 2016

Категория уместности

Категория уместности – универсальная категория архитектуры и речи. Эта категория связывает индивидуальное и всеобщее и оказывается одной из ключевых категорий самости и индивидуации. Индивидуация есть не функция среды, а уместность в среде.

Функционализм был в свое время способом устранения самости и индивидуации через типологию социальных норм и так называемых «потребностей», универсальность которых делала индивидуацию излишней. А познание потребностей строилось уже не на воспитании и привычке, а на философской модели человека, то есть на отчуждении. Это состояние иллюстрирует ситуацию массового производства и обезличенный рынок рекламной пропаганды, тогда как на традиционном рынке (базаре – то есть разговоре) сама покупка превращалась в беседу покупателя с продавцом, беседу о жизни.

Эта имперсональность социологического представления о мире и жизни действовала в условиях резкого контраста массового потребления и выхода человека за круг сельской общины, строящийся на разговорах и индивидуальных поступках. Парадоксальность этой ситуации состоит как раз в том, что на селе все поступают как все, а на индустриальном рынке каждый строит индивидуальный поступок и образ самости, но строит его не сам, ориентируясь на универсальную норму, а через покупку и уплату объявленной суммы.

Парковая беседка стала для богатых горожан какой-то точкой возвращения к дорыночным отношениям с людьми и миром. Эту «незримую», хотя на деле очень даже зримую, (сверхзримую) роль начинает играть ландшафт как образ мира.

15 декабря 2019

Ландшафт и уместность

Ландшафт и село – это две формы МЕСТНОСТИ и вытекающих из них видов уместности.

Город рождает новый вид уместности без ландшафта – внутри стен и на улице или площади как новой местности в месте («мясте» – по польски – городе), и уместность связывается с писанным или неписанным законом и нормой поведения в том или ином месте, разными для разных городов; тогда как сам город на фоне Природы становится незримо общим местом для неуместности. Так сама категория неуместности, становясь повсеместной, превращается в двойную оптику уместной неуместности урбанизированного мира. Город рождает новый вид уместности без ландшафта: внутри стен и на улице или площади как новой местности в месте («мясте» – по польски – городе). И уместность связывается с писанным или неписанным законом и нормой поведения в том или ином месте, разными для разных городов, тогда как сам город на фоне Природы становится незримо общим местом для неуместности.

Архитектура в этом процессе деноминации мира, то есть утраты миром имен собственных и превращении всех слов в понятия, оказалась в весьма двусмысленном положении. И с принятием «средового» (то есть естественного) характера утратила и смешала весь строй профессионального сознания и обиходной практики. Рядом с архитектурой возник «дизайн» и понемногу начал вытеснять архитектуру за рамки обихода и смыслового поля, делая и город, и архитектуру чем-то в каком-то смысле излишним; во вторую очередь это привело к идиотизму как принципу авангардистского отчуждения в футуризме.

Письмо и затем интернет упразднили уместность беседы и в конце концов устранили привычку думать не только об архитектуре, но и о «мире». Имена повсеместно уступают место ключевым словам, паролям, а личность становится тайной даже для самой себя, так как пароли плохо запоминаются. Если в распознавании компьютеры не перейдут к дактилоскопии, население Земли вскоре наполнится «мертвыми душами», которые забыли свои исходные пароли. Подобно этому городская среда наполнилась безымянными строениями, ставшими в нескольких смыслах сразу «неуместными».

Спрашивается: куда пойдет новая культура, интенсивно возвращающая слух и образ в орбиту повседневной ориентации? Тут, как мне кажется, и зарыта собака (кстати, слова собака, сукин сын и им подобные анатомические метафоры давно уже вошли в номиналы).

Итак, беседа и устная речь начинают обратный ход в культуре и ставят архитектуру на новое давно забытое старое – место. Архитектура нуждается прежде всего в УМЕСТНОСТИ – то есть в индивидуации – все прочие рекламные клички вроде моды, функции, стиля и прочие – уходят в прошлое. Уместность и своевременность приходят на «место» стиля и новаторства.

15 декабря 2019

Соответствие и уместность

Одним из фундаментальных принципов рационализма является категория соответствия. Оно выражается и в равенстве количеств, и в уместности форм. Если диаметр трубы соответствует количеству протекающей жидкости, то в этом можно видеть уместность, равно как соответствие площади дома и числа его жителей.

Известный вклад в развитие этих логических средств дала математика, переходя от целых к дробям и, наконец, к бесконечно малым, обнаружившим невиданную силу упаковки мощности.

Архитектурный функционализм во многом был ориентирован на эту уместность.

Одной из разновидностей соответствия такого рода была координация размера и силы. Гиганты и великаны обладали максимальной силой, и мифология культивировала образы монстров и гигантов [1]. Новым для такой

мифологии стал герой, который демонстрировал мощь без гигантизма.

Современная архитектура в своих супернебоскребах и мегаполисах все еще сохраняет эту архаику образа значимости и смысла, вопреки совершенно новой логике XX века, который дал в этой схеме своего рода экстраординарный прорыв. Невероятная мощь и сила оказалась упакованной в невидимую крохотность пространства и субстанции – атомная и ядерная физика, родившая космическую силу бомб.

Вслед за физикой и не без ее помощи нечто аналогичное возникло в сфере информации и возможности концентрации смыслов в текстах, упакованных в сотые доли миллиметра.

Тем не менее, нынешний архитектурный минимализм все еще остается на полпути от архаики к современности. Способность архитектуры концентрировать смыслы в простоте и экономии средств все еще остается скорее лозунгом, чем реальностью.

В этой связи имеет смысл обратить внимание на категории плотности и концентрации смыслов. Эти категории задолго до появления ядерной физики и электроники уже начали свидетельствовать о парадоксальных возможностях микромира в концентрации и силе смыслов. Онтологически эта новая парадоксальная концентрация воплощается таком виде индивидуации, который отличается не только содержанием, но и объемами, и экономией средств выражения, а также символизацией сил и значимости.

В таком случае вопрос об уместности и неуместности как соответствия или несоответствия обретает новые измерения. Так или иначе, но гений и герой все еще остаются неуместными персонажами современной социологии, хотя кажется, что Питирим Сорокин сделал первый шаг в этом направлении [2].

Неуместность гения остается одним из парадоксов цивилизации так же, как неуместность святого или героя, готового жертвовать собой. Не исключено, что генетика внесет в эту проблему свое новое слово.

Архитектура остается как будто в стороне от этой парадоксальной инверсии и ждет возможности воплотить плотность смыслов и силу духовной власти в резерве своих грядущих открытий.

11 октября 2018

Ситуация

Понятие ситуации отсылает нас к месту (*situ*) Имеется в виду не русское сито, через которое процеживают кашу, а собственно место, в которое попали и которого до конца не понимают (то есть не различают), что в нем имеет смысл и какой именно смысл.

Из этого следуют два смысла в понятии место.

Первый относится к самому по себе месту и его отношениям с другими местами в мире, на земле, в стране и пр.

Второй имеет отношение к нашему пути и намерениям. Это то место на пути, в котором мы оказались. Нас интересует оно не само по себе во всем многообразии своих смыслов и содержаний, а лишь тех, от которых зависит наше дальнейшее движение к цели, задающей смысл пути.

Уместность всяких разговоров и споров связана с пониманием обоих этих смыслов.

В истории человеческой мысли и судьбы поначалу главное значение придается самому месту, в котором человек и его предки жили и будут жить. После иудео-христианского поворота религий к раю на первое «место(?)» выходит Время (место, по преимуществу, остается в области пространства). Теперь мы все – все христианское человечество – идем к спасению в мире ином.

Маркс усвоил эту идею Времени и вслед за эпохой Просвещения, которая заменила Рай Разумом, заменил

Разум Коммунизмом. До 1953 года мы так и думали, что все человечество идет к коммунизму.

После того как вера в коммунизм стала спадать, вновь возник вопрос о нашей ситуации и судьбе: где мы оказались в глобальном мире (это ли наше Место?) и куда мы идем, так как на место Коммунизма все в большей степени приходит новое «светлое будущее» – взрыв солнца, который спалит всю солнечную систему.

Тут обозначилась новая проблема смерти как соотношения нашей индивидуальной человеческой смерти, подводящей итог нашей судьбе, и смерти всего живого в нашей галактике. Индивидуальная жизнь оказалась в большей степени связана с географическим (космическим) местом, чем с исторической судьбой [3].

Отсюда растет проблема эмиграции и туризма, отчасти возвращающая нас к номадической культуре кочевых народов, для которых место стало точкой на пути, отчего сама иудео-христианская религия и коммунизм становятся производными кочевого образа жизни, которому глобализация ставит предел.

В архитектуре этот вопрос приобретает уже иной, не просто гуманитарный, связанный с судьбой *homo sapiens*, а профессиональный смысл, связанный не столько с судьбой страны и нации, сколько с судьбой профессии.

Поиски своего места под солнцем, ранее озадачивавшие кочевые племена, постепенно сместились к отдельным нациям, общинам и личностям. Некоторые ищут это место там, где климат и ландшафт мягче или живописнее, другие ищут место безопасное от случайностей, третьи – место с лучшими условиями для учебы и работы, некоторые стремятся найти сообщество близких по духу. Другие пытаются скрыться от прошлого.

22 сентября 2016

Литература

1. Мифы народов мира: энциклопедия : в 2 т. : илл. – Москва : изд-во «Советская энциклопедия», 1980. – Т. I : А–К. Гиганты. – 672 с.
2. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – URL: <https://www.livelib.ru/author/29501/top-pitirim-sorokin> (дата обращения: 03.04.2020)
3. Тойнби, А. Дж. Постижение истории / пер. с англ. / сост. Огурцов А. П.; Вступ. ст. Уколовой В. И.; закл. ст. Рашковского Е. Б. – Москва : Прогресс, 1996. – 608 с.
4. Иванов, А. Этюды о вернакулярном Гюмри // Проект Байкал. – 2019. – № 61. – С. 172–189

References

- Ivanov, A. (2019). Studies of vernacular Gyumri. Project Baikal, 16(61), 172-189. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1522>
- Mify narodov mira: entsiklopedia: v 2 t.: ill. [Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 vols.: ill.]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. Vol. I: A-K. Giganty.
- Sorokin, P. A. (1992). Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo [Man. Civilization. Society]. Retrieved April 3, 2020 from <https://www.livelib.ru/author/29501/top-pitirim-sorokin>
- Toynbee, A. J. (1996). Postizhenie istorii [A study of history] (A. P. Ogurtsov, Trans.). Moscow: Progress.